

Глава 24. Смертельная викторина в день лавины

Солнце выплеснулось из-за ледников, озаряя заснеженные пики.

В восемь утра четырнадцать человек привычно собрались в центре лагеря для жеребьевки. Это было уже третье распределение по группам с начала игры, и процедура никого не удивляла: альпинисты по очереди подходили к ведущему, вытягивали листки и расходились по разные стороны площадки.

Когда подошел черед Ли Цзяньчуаня, он мельком взглянул на бумажку и направился к Нин Чжуню, в Южную группу. Вскоре к ним присоединился и Се Чаншэн. На этот раз все трое оказались в одной команде.

После жеребьевки Ли окинул взглядом составы обеих групп, и его догадка окрепла.

Около девяти утра отряды покинули лагерь и начали восхождение. Дальнейшие события развивались по уже заученному сценарию: подъем, короткий привал и — неизбежная лавина.

В этот раз единственным знакомым Ли Цзяньчуаня в Южной группе был Сунь Чан; ни Чжао Гуанхуэя, ни Линды рядом не оказалось. Ли некоторое время присматривался к остальным, осторожно завязывая разговоры, чтобы проверить свои предположения.

Его действия не остались незамеченными — он ловил на себе подозрительные взгляды, но совершенно не придавал им значения.

Другие игроки могли сколько угодно сомневаться в словах Номера Два о вчерашнем убийстве, считая их ловушкой, но Ли Цзяньчуань видел всё своими глазами. Он знал, что Се Чаншэн действительно прикончил парня, а потому чужая подозрительность его не пугала. Если кто-то и решит на него напасть, еще большой вопрос — кто в итоге станет жертвой.

Вчерашний совет за ужином всё же принес плоды.

Сегодня во время восхождения участники Южной группы вели себя гораздо активнее: они постоянно переговаривались, прощупывая друг друга вопросами. Похоже, скрытого наблюдения им стало недостаточно.

Когда лавина обрушилась на склон, большинство альпинистов оказались к ней готовы и мгновенно укрылись за заранее отмеченными валунами.

Ли Цзяньчуань и Нин Чжунь не стали исключением. Се Чаншэн спрятался неподалеку. Перед лицом яростной стихии человек бессилен: им оставалось лишь наблюдать, как многометровая толща льда и снега поглощает их, погружая мир в ледяную тьму.

Привычное беспмятство нахлынуло мгновенно.

Мужчина был готов вновь очнуться в странном сне и увидеть знакомый подземный ход, но на сей раз видение изменилось.

Перед ним не было ни приоткрытой двери, ни огарка свечи. Тьму вокруг невозможно было пронзить взглядом.

Ли словно завис в странном вакууме. Он попытался почувствовать свое тело и понял, что стоит на твердой поверхности, однако в пределах досягаемости не было ни единого предмета. Свое дыхание он слышал отчетливо, и едва уловимое эхо подсказывало: он находится в небольшом замкнутом пространстве.

Сделав пару пробных шагов, он вдруг заметил впереди слабый мерцающий свет.

Он подошел ближе.

Сияние, возникшее прямо перед ним, начало медленно тускнеть, и на его месте проступила строка текста. Стоило ему увидеть эти слова, как неведомая сила заставила его разомкнуть губы. Помедлив секунду, он почти неосознанно произнес вслух:

— Ты... Наставник?

Едва фраза сорвалась с языка, его пробрал озноб, словно к спине прикоснулась холодная змея.

«Почему именно эти слова?»

Он плотно сжал губы, но пространство вокруг, подобно попугаю, принялось монотонно повторять его вопрос через равные промежутки времени:

— Ты... Наставник?

— Ты... Наставник?

— Ты...

Ли Цзяньчуань хотел было приказать эху замолкнуть, но не успел — из-за невидимой преграды донесся знакомый холодный голос:

— Нет.

Как только прозвучал этот ответ, мир вокруг неистово завращался.

Ледяной воздух гор ворвался в легкие.

Ли открыл глаза и невольно вздрогнул. Его кожа покрылась холодной испариной. Та хрупкая теория, которую он так тщательно выстраивал, рассыпалась в прах после нового сна, оставив после себя лишь еще большую путаницу. Он зажмурился на мгновение, решив пока выбросить это из головы.

Протянув руку, он обнаружил, что Нин Чжуня, как и прежде, нет рядом.

Выбравшись из-под снега, Ли достал спутниковый телефон, пробежал глазами знакомое сообщение и, помолчав, негромко произнес:

— Нин Чжунь жив.

Произнося это, он активировал способность «Ложь становится правдой», делая утверждение неоспоримой истиной текущего раунда. Это тоже был эксперимент.

Если фраза работает, останется лишь два варианта. Первый: жизнь или смерть Нин Чжуня никак не влияют на правила и сюжет. Второй: Нин Чжунь жив на самом деле, и это неоспоримый факт.

В сообщении Хань Шу говорилось, что в результате лавины одна группа гибнет полностью, а вторая — выживает. Если Нин Чжунь жив, это косвенно доказывает: выжила именно его группа.

Сейчас Ли Цзяньчуань и доктор Нин были в составе Южной группы — той самой, за которую он вчера велел всем проголосовать.

Едва слова были сказаны, Ли почувствовал, как из него словно выкачали силы. Это значило, что способность сработала. Он ощутил резкую слабость, но быстро взял себя в руки. Похоже, это и была скрытая цена за искажение реальности.

Дождавшись, пока неведомое чувство подтвердит успех, Ли Цзяньчуань поднялся и принялся разгребать снег неподалеку.

Вскоре он наткнулся на окоченевшее тело Се Чаншэна. Двигаясь в том же направлении, пока остальные участники группы выбирались на поверхность, он вновь коснулся застывшего лица Нин Чжуня. На этот раз он точно знал, что доктор жив, но под его пальцами по-прежнему была кожа трупа.

Ли прикрыл глаза, забросал тела Нин Чжуня и Се Чаншэна снегом и направился к выжившим альпинистам.

Спустя пару минут Нин Чжунь выбрался из другого сугроба и, заметно ослабев, прислонился к плечу Ли Цзяньчуаня, глухо кашляя. Ли подхватил его, и всё пошло по вчерашнему кругу: обсуждение, уход из опасной зоны, вызов спасателей.

Через час прибыла подмога, и группу доставили в лагерь.

Всё казалось прежним. За одним исключением: когда Хань Шу вышел встречать вернувшихся, рыжеволосый юноша, который вчера взял слово первым, промолчал. Его взгляд был прикован к бесстрастному лицу Се Чаншэна — в глазах парня плескалась ненависть, он походил на затаившуюся ядовитую змею.

Даос же, казалось, вовсе не обращал на него внимания. Он лишь мельком взглянул на Номера Два и едва заметным жестом провел пальцем по своей шее.

Губы рыжего искривились в холодной усмешке.

— Южане — молодцы, — сухо бросил Чжэн Сян, который в этот раз оказался в Северной группе. Он подхватил свои вещи и зашагал к палатке.

Очевидно, он собирался выполнить наказ Ли Цзяньчуаня и проголосовать за Южную группу.

На этот раз собрание в лагере было на редкость унылым и молчаливым: никому не нужно было договариваться о выборе. Получив горячую воду и еду, альпинисты побрели к своим местам, подсвечивая дорогу фонариками.

Ли Цзяньчуань и Нин Чжунь нырнули в палатку к Се Чаншэну. Это движение заставило рыжеволосого, шедшего в ту же сторону, замереть на мгновение и, явно что-то обдумывая, свернуть в другом направлении.

— Номер Два хочет прикончить тебя в одиночку, — лениво заметил Ли Цзяньчуань, застегивая молнию палатки и указывая на удаляющийся силуэт.

— Неважно, — Се Чаншэн остался невозмутим. Он посмотрел на Ли: — Насколько ты уверен в успехе?

— На все сто, — Нин Чжунь ответил за Ли Цзяньчуаня, едва вскинув взгляд своих лисьих глаз.

Он сидел, прижавшись спиной к груди Ли, и его пальцы беспокойно перебирали ткань на колене мужчины.

— А ты, я погляжу, в меня веришь, — усмхнулся Ли.

Он посмотрел на экран спутникового телефона, потерся подбородком о макушку Нин Чжуня и покрепче обхватил его руками, согревая. Они сидели в обнимку, словно матрешки, совершенно не стесняясь даоса, который предпочел бы «не зреть сраму».

Ли поднял голову и дерзко улыбнулся:

— У нас, дураков, свои методы. Глядишь, они окажутся поэффективнее ваших заумных планов.

Се Чаншэн, глядя на эту парочку, полную уверенности в себе, предпочел промолчать. Все трое уже сделали свой выбор в голосовании.

Ли Цзяньчуань сосредоточенно следил за цифрами на спутниковом телефоне. Секунды медленно утекали, и вот шестичасовой предел был достигнут.

Свет и тень смешались. Мир вокруг стремительно отдалился, чтобы в следующий миг обрушиться на него с новой силой.

Луч налобного фонаря выхватил из темноты стены просторной палатки. Ледяной ветер просачивался отовсюду, а в ушах стояло сдавленное, прерывистое дыхание остальных шестерых игроков.

Когда зрение прояснилось, Ли Цзяньчуань не стал оглядываться по сторонам. Он просто сел на свой мат рядом с фонарем, скрестив ноги. Видя это, остальные тоже начали опускаться на места.

Рыжеволосый юноша не выдержал первым:

— Снова здесь... — В его голосе сквозило разочарование. Он посмотрел на Ли: — Я сделал, как ты сказал, и выбрал Южную группу. Но это ничего не дало! Мы пошли тебе навстречу, так потрудись объяснить, зачем это было нужно. Иначе завтра мы будем голосовать так, как предложу я.

— Заткнись, — холодно отрезал Ли Цзяньчуань.

— Что?! — Номер Два вспыхнул от ярости.

Однако он прекрасно знал, что во время Ужина Пандоры ничего не может поделаться, а потому ему оставалось лишь стиснуть зубы и сделать несколько глубоких вдохов, усмиряя гнев.

В этот момент вошел Хань Шу. Его первая фраза была неизменной:

— Все в сборе?

К этому времени игроки уже привыкли к его словам и ждали лишь окончания формальностей, чтобы начать расспросы. Но на этот раз Ли внезапно перебил его:

— Обожди немного, брат Хань. Еще семь человек не подошли.

Атмосфера мгновенно накалилась. Игроки как один вскинули головы, уставившись на Ли Цзяньчуаня.

Хань Шу, казалось, был слегка удивлен, но, помедлив, покачал головой:

— Сегодня я должен говорить только с вами. Они — не такие, как вы.

Ли Цзяньчуань вскинул взгляд:

— А они — такие же, как ты?

Мягкое выражение лица Хань Шу вмиг исчезло, взгляд стал ледяным.

Мужчина резко вскочил, схватил фонарь, лежавший на карте, и в два шага оказался у выхода. Рванув молнию, он высунулся наружу и крикнул во весь голос:

— Капитан Хань вызывает Южную и Северную группы на общий сбор! Срочно, все сюда!

Луч его фонаря прорезал ночную мглу. К изумлению Ли, темнота, которая во время первого ужина казалась ему непроницаемой и таящей неведомые ужасы, теперь расступилась, открыв взору смутные очертания нескольких разноцветных палаток неподалеку.

Услышав крик, люди начали выходить наружу.

Ли Цзяньчуань вернулся на место, поставил фонарь и бросил на Хань Шу испытующий взгляд. Тот застыл как вкопанный, лицо его исказилось.

— Быть не может! — Игроки переглядывались в полном недоумении. Юноша, не в силах сдержать изумление, вскочил и бросился к выходу: — Ужин Пандоры — это лишь малая часть реальности! Всё, что за пределами укрытия — неведомая тьма! Я сам видел, как новичок в панике выбежал наружу и через пару шагов был разорван на части невидимой силой! Стол был залит кровью...

Договорив, он осекся, осознав нечто важное.

— Значит... Ужин — это ложь? — Номер Два резко обернулся к Хань Шу. — Но ведущий уникален! Как он может проводить фальшивый ужин с игроками?..

Нин Чжунь, по-прежнему лениво сидевший на мате, не спеша отхлебнул горячей воды:

— А ты видел свой труп на горе? — Он холодно усмехнулся. — Если там был твой двойник, почему здесь не может быть двойника ведущего? Давайте просто признаем: любой человек в этой игре может быть клонирован.

— Если так, то и весь этот цикл — пустышка, — задумчиво произнес Первый, качая головой. — Но как тогда объяснить ту силу, что швыряет нас сюда каждую полночь? И почему мы не умираем?

Нин Чжунь не стал отвечать сразу. Он посмотрел на Номера Семь и уверенно произнес:

— Ты ведь не новичок.

Седьмой замер, а затем хрипло рассмеялся с изрядной долей наглости:

— А я никогда и не утверждал обратного.

Опытные игроки нередко прикидываются новичками, чтобы заманить жертву в ловушку — это обычное дело. На его фоне Второй выглядел совсем зеленым.

Услышав это, рыжеволосый юноша снова покосился на него — теперь он почти не сомневался, что именно Седьмой пытался его убить.

Нин Чжунь, не обращая внимания на их перепалку, сухо продолжил:

— Выходит, в этой партии собрались одни старики. И судя по вашим спесивым минам, каждый считает себя гением стратегии. Но запомните: умных людей легче всего поймать на их же собственном высокомерии.

Среди присутствующих не было дураков. Фраза Нин Чжуна, явно метившая в цель, заставила всех напрячься. Настоящие интеллектуалы стремятся разгадать любую загадку, найти истину, но они часто забывают, что у тайны может быть не одно дно.

Тем временем подошли семеро NPC и один за другим вошли в палатку. С их появлением составы обеих групп стали полными, и личности оставшихся семерых игроков окончательно

раскрылись.

Понимая, что сейчас никто не может причинить вреда другому, игроки в черных капюшонах лишь обменивались настороженными и многозначительными взглядами, не решаясь на открытый конфликт.

Ли Цзяньчуань быстро оглядел вошедших: Чжао Гуанхуэй и Линда были среди них. NPC выглядели растерянными, но Чжао Гуанхуэй, кажется, что-то почувал — он резко повернулся к Хань Шу, его лицо выражало крайнее напряжение. Капитан же хранил угрюмое молчание.

Атмосфера внутри стала по-настоящему зловещей.

— Так что здесь, черт возьми, происходит? — Номер Два снова подал голос, нарушая гнетущую тишину.

Все взгляды скрестились на Ли Цзяньчуане. Тот легонько покачал фонарем, незаметно загоразивая собой Нин Чжуня, и заговорил:

— Не стоит на меня так пялиться. Скажу прямо: я и сам до конца не понимаю, что здесь творится. Но я знаю, как вывести вас из этого цикла.

Его голос, низкий и хриплый, напоминал шелест наждачной бумаги — в нем сквозило ледяное равнодушие. И хотя первая часть фразы звучала вызывающе, обещание спасения заставило игроков лишь скептически усмехнуться. Эти старые лисы не верили, что какой-то новичок нашел решение.

Первый внимательно посмотрел на него:

— Что ж, мы внимательно слушаем.

Хань Шу тоже медленно повернул голову, впери в него свои тяжелые, холодные очи.

— Всё просто, — произнес Ли. — Методом исключения.

— Методом исключения? — Юноша едва не сорвался на крик, словно его внезапно вернули за школьную парту на урок математики.

Но Ли Цзяньчуань и впрямь выглядел так, будто решал школьную задачку. Он продолжал ровным тоном:

— С первого дня и по сей день нас окружают странности: ужины, жеребьевки, лавины, трупы-

двойники, таинственные сны и голосование, которое за версту смердит подставой... Всё это кажется безумием. И стоит мне решить, что я нащупал нить, как в следующую секунду Система подсовывает нечто новое, превращая всё в неразбериху. Если я буду пытаться разгадать каждую из этих тайн, то игра закончится раньше, чем я приду к какому-то выводу.

Он говорил это с полной уверенностью в собственной правоте, а затем резко добавил:

— Не можешь разгадать — не пытайся. На экзамене сложные задачи оставляют на потом, сначала делают то, что попроще. Здесь то же самое. Но чтобы понять, где простота, а где — ловушка, мне понадобилось два цикла. И результат таков. Самое важное — это реакция NPC. Чжао Гуанхуэй дважды упоминал мне, что солнце садится слишком быстро. Линда закричала, когда чья-то рука схватила ее за ногу из-под снега. А на обратном пути она шептала, что слышит чье-то дыхание за спиной.

Ли изо всех сил старался выстроить логическую цепь, чувствуя себя так, будто в него на мгновение вселился дух Нин Чжуня.

— Их поведение — это зашифрованное послание. Например, время здесь течет иначе. То, что мы принимаем за сутки, может оказаться совсем иным промежутком. Или тела на горе: они не появляются после нашей гибели, они были там всегда. И, наконец, сегодняшняя жеребьевка. Листок, который я вытянул, предназначал меня в Северную группу.

Эти слова заставили игроков мгновенно насторожиться. Взоры снова обратились к NPC. Ли Цзяньчуань должен был быть в Северной группе, но встал в Южную. Значит, в Южной группе должно было оказаться восемь человек. Однако сегодня в обоих отрядах по-прежнему было по семь альпинистов.

Это означало одно: если игроки следовали жребию, то правила нарушили NPC. Они заранее знали, кто здесь игрок, а кто — свой. Вся эта игра была слаженным обманом.

— Рукотворный цикл? — Первый осекся. — Но если отбросить всё остальное, выходит, что сразу после первого ужина мы попали в капкан, расставленный NPC и фальшивым ведущим. Восхождение, лавина, голосование — всё это декорации, ложь... Но это не объясняет ту силу, что тянет нас назад, и наше бессмертие.

— У меня иное мнение, — заговорил Се Чаншэн. — Я считаю, что мы по-настоящему входим в игру именно во время лавины. Нас накрывает снегом, мы теряем сознание и проваливаемся в сон о подземной лестнице и свече.

Даос говорил неспешно, взвешивая каждое слово:

— И хотя во всем этом есть некая зыбкость и ирреальность, я не думаю, что это просто сон. Давайте назовем мир до первой лавины «поверхностью». Когда нас засыпает снегом, происходит не просто обморок, а некая принудительная передача. Нас швыряет в тот самый

подземный ход, мы проходим через первую дверь и перемещаемся с поверхности в «глубину». И эта глубина — тот самый цикл, в котором мы сейчас заперты.

Его слова заставили игроков погрузиться в раздумье.

— Если так, то этот ход... он должен быть где-то на горе? — задумчиво произнес Первый. — Возможно, условием перехода служит именно лавина. Каждый раз, когда она нас накрывает, мы получаем шанс попасть в тот коридор... Но мне кажется, перемещается лишь наше сознание. Иначе как объяснить то, о чем говорил Номер Два: нас невозможно убить.

— Это тела, — подал голос Нин Чжунь. — Но, возможно, не те, что были изначально.

Он бросил эту короткую фразу и снова посмотрел на Ли Цзяньчуаня.

Ли кивнул:

— Я оставил на своем теле метку. Когда я попал в коридор и проверил ее — она была на месте. Это доказывает, что наши нынешние тела и те, что в коридоре — одни и те же. И раз я могу видеть метку, я не верю, что это просто работа сознания. К тому же, какой прок запирает нас в цикле, где мы бессмертны?

Он выдержал паузу и продолжил:

— Давайте отбросим всю шелуху. Если принять версию Третьего о «поверхности» и «глубине», то сосредоточимся на том, что внутри цикла, а все нестыковки спишем на внешние факторы. Сейчас они нам только мешают. И вот что я заметил внутри: поведение NPC крайне противоречиво. Все эти дни они одновременно и намекают нам на истину, и нагло лгут. Похоже, ими кто-то командует, за ними следят. И этот «кто-то»... возможно, вовсе не человек. Это две снежные горы. Когда Чжао Гуанхуэй упоминал, что солнце садится слишком быстро, он оба раза смотрел на вершину напротив. Во второй раз я спросил его, который час. Он не ответил. Спутниковый телефон был у него в кармане, он не мог не знать времени. Ответ один: время было фальшивым. На кого он смотрел? На гору. Линда слышала дыхание за спиной, но я следил за окружением и не слышал ничего чужого. Когда она это сказала, она стояла, опустив голову, и смотрела на снег под ногами. Иными словами — она смотрела на гору.

Ли Цзяньчуань замолчал, обводя присутствующих тяжелым взглядом.

— И я подумал... А что, если эта гора — живая?